

На правах рукописи

Сойни Елена Григорьевна

**РУССКО–ФИНСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ
СВЯЗИ 1890 – 1930-х ГОДОВ**

Специальность: 10.01.01. Русская литература,
10.01.03 Литература народов стран зарубежья
(финская литература).

АВТОРЕФЕРАТ

Диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

**Москва
2005 г.**

Работа выполнена в Институте языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук
ИРИНА ВЛАДИМИРОВНА ГРЕЧАНИК
доктор филологических наук
СЕРГЕЙ АНДРЕЕВИЧ НЕБОЛЬСИН
доктор филологических наук,
профессор ГАЛИНА ВИКТОРОВНА ЯКУШЕВА

Ведущая организация – Петрозаводский государственный университет (факультет прибалтийско-финской филологии и культуры)

Защита состоится « ____ » _____ года в ____ часов на заседании специализированного совета Д 002.209.02 по филологическим наукам при Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН Москва, ул. Поварская, 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института мировой литературы РАН

Автореферат разослан « ____ » _____ года

Ученый секретарь
специализированного совета
доктор филологических наук

А.В. ГУЛИН

2006-4
16894

2185995

Общая характеристика работы

Русско-финские литературные связи имеют особую историю. Долгое время считалось, что между литературами соседних народов существует некая «китайская стена». Потребовались усилия видных ученых, чтобы развеять это заблуждение, доказать, что у русско-финских литературных связей давняя история, а «разговоры о "китайской стене" между русской и финской литературой не имеют под собой никакой основы»¹.

В представленной к защите диссертационной работе предметом исследования являются русско-финские литературные связи 1890–1930-х годов.

Актуальность исследования определяется общественно-политическими процессами современных отношений России и Финляндии, когда в обеих странах возникло стремление к познанию литературы друг друга. Это связано как с поиском каждого народа своего места в мировой истории, пониманием неповторимости, уникальности собственной культуры в сравнении с культурой соседей, так и с желанием вписаться в культуру мировую, желанием быть услышанными и понятыми.

Проблема взаимодействия и взаимовлияния литератур, концентрирующих в себе дух нации, формирующих стереотипы и модели поведения, приобретают особую актуальность в условиях пограничья и постоянных контактов. В этой связи становится необходимым детальное и всестороннее исследование русско-финских литературных связей в их развитии.

Степень научной разработанности проблемы. В последние годы как в русском, так и в финляндском литературоведении началось активное изучение финско-русских и русско-финских литературных связей. Э. Г. Карху посвятил им исследование в двух томах «Финляндская литература и Россия», монографию «Достоевский и финская литература», «Очерки финской литературы начала XX века», в которых показано

¹ Sarajas A. Tunnuskuvia. Suomen ja venäjän Kirjallisen realismin kosketuskohtia. Porvoo-Helsinki, 1968. S.151

восприятие творчества А. М. Горького финскими литераторами рубежа веков².

Подробный сравнительный анализ творчества Горького и Йоела Лехтонена содержится в монографии А. Сараяс, посвященной русско-финским литературным контактам. Исследовательница показывает отношения финского и русского реализма, ставит проблемы, до нее в финском литературоведении не поднимавшиеся, в частности, прослеживает формирование понятия «тип» в финском реализме под влиянием эстетики Достоевского. В двух главах Сараяс пишет о связях финской и русской литератур на рубеже веков. «Осложнение финско-русской политики, – считает она, – нашло отражение в натянутом отношении к русской литературе... Но все-таки ситуация не была однозначной: импульсы от русской литературы получили Майла Талвио, Майю Лассила, Илмари Кианто и Эйно Калима»³.

Большое количество новых исследований дали восьмидесятые и девяностые годы. Возникла мода на Финляндию в Москве, Тарту, Санкт-Петербурге, в Соединенных Штатах Америки. В самой Финляндии стал выходить основанный в 1984 году журнал «Studia Slavica Finlandensia». Перу Бена Хеллмана принадлежат исследование «А. Куприн и Финляндия», комментарии и вступительная статья в соавторстве с англичанином Ричардом Дэвисом в книге «Леонид Андреев "S. O. S."» и другие работы⁴.

В статьях, опубликованных в Ученых записках Тартуского университета, Вероника Шеншина блестяще проанализировала переводы А. Блока на финский и шведский языки⁵, а Н. Башмакова исследовала влияние А. Киви на творчество Е. Гуро⁶.

² Карху Э. Г. Финляндская литература и Россия (1800–1850). Таллинн, 1962, *Он же*. Финляндская литература и Россия (1850–1900) Л., 1964, *Он же*. Достоевский и финская литература Петрозаводск, 1976, *Он же*. Очерки финской литературы начала XX века. Л., 1972. С. 113–155.

³ Sarajas A. Tunnuskuvia .. S. 151.

⁴ Ekonen K., Hellman B. Aleksandr Kuprin and Finland // Studia Slavica Finlandensia T. VIII. Helsinki, 1991. S. 27–97; Леонид Андреев. «S. O. S.» / Вступ. ст., сост. и примеч. Р. Дэвис, Б. Хеллман. М.; СПб., 1994

⁵ Шеншина В. Поэзия поэтического перевода. // Учен. зап. Тартуского ун-та 1990. Вып. 987. С. 119–140.

⁶ Башмакова Н. «Над далекой полосой отзвука» // Там же. С. 151–170.

Типологические отношения в русской и финской литературы только начинают изучаться. Отто Флорис Буле положил начало изучению стереотипов, финской символики в русской романтической литературе в монографии «Север в литературе русского романтизма»⁷, переакцентировав исследовательский взгляд с изучения истории литературных взаимоотношений на поэтику и типологию.

С другой стороны, исследовательница финской эпической поэзии Элина Рахимова, изучая эволюцию образов огненно-красного цветка, птицы с голубыми крыльями, знахаря-ведуна в мифопоэтике финских неоромантиков, приводит параллели в творчестве русских символистов с их идеалом надземного, поиском недостижимого, постижением иррационального⁸.

Анализ имеющихся работ о русско-финских и финско-русских литературных связях позволяет говорить о возрастающем интересе к ним в разных странах. Но многое остается неизученным, крайне мало писалось о типологических отношениях литературных направлений Финляндии и России начала XX века. Не выявлены контакты ряда писателей Финляндии и России. Не исследован образ Финляндии в русской литературе этого периода (1890–1930-х годов).

В России практически не знают, как воспринималась в Финляндии русская литература, что и кто писал о переводах русской словесности, что с ними связывалось, какое место занимала русская литература в сознании финской читательской публики по сравнению с литературой Западной Европы. Изучение этих вопросов представляет несомненный интерес, и наше исследование – конкретный опыт в этом направлении.

Цель диссертации — дать сопоставительный анализ русско-финских литературных связей 1890–1930-х годов на всех уровнях художественной системы, представленной контактными и типологическими взаимодействиями двух литератур в ключевые моменты истории, исследовать литературные и эстетические

---

⁷ Boele O. The North in Russian romantic literature. Studies in slavic literature and poetics. V XXVI. Amsterdam. 1996.

⁸ Рахимова Э.Г. От «калевалских» изустных рун к неоромантической мифопоэтике Эйно Лейно. М., 2001 С. 49

взаимодействия русских и финских писателей различных направлений «в движении» (термин Н.И. Балашова), раскрывая как общее, так и национально-специфическое в их творчестве, выявить, как русская литература, осмысленная творчески, повлияла на формирование мировоззрения финского общества, и в то же время изучить, что дала Финляндия России в литературном отношении.

Исходя из вышесказанного, автором диссертации поставлены следующие задачи:

1) выявление закономерностей восприятия русской литературы в Финляндии до и после закрытия границы между Финляндией и Россией на основе сравнительно-исторического и типологического методов,

2) изучение формирования духовного образа народа в инациональной литературной среде,

3) осмысление роли «посредников» (писателей, журналистов, русской и финской эмиграции) в сближении литератур в русле регионально-хронологического подхода.

Научная новизна диссертации заключается в том, что впервые в отечественном литературоведении на основе изучения значимых синхронных явлений литературного процесса России и Финляндии 1890–1930-х годов всесторонне показывается восприятие русской литературы во всех кругах финского общества, подчеркивается важное место, которое занимала русская литература в сознании финских читателей, анализируется влияние русской прозы на общественную жизнь Финляндии, раскрываются, с одной стороны, истоки интереса финских переводчиков к русской литературе, а с другой стороны, увлеченность финской тематикой русскими поэтами начала XX в.

Впервые анализируются типологические соответствия в русском символизме и финском неоромантизме, выявляется общее и специфическое в литературных направлениях соседних народов; раскрывается родство художественных устремлений и достижений ряда русских и финских литераторов (Николая Рериха и Эйно Лейно, Ильи Эренбурга и Олави Пааволайнена, Ивана Солоневича и Катри Вала).

Впервые на обширном фактическом материале исследуется генезис и эволюция духовного образа Финляндии в русской литературе и образа России в финской. Раскрываются факторы, влиявшие на формирование стереотипов, и показывается динамика их восприятия.

Впервые в диссертации рассматривается роль и значение русской эмиграции в Финляндии и финской эмиграции в России как феномен «посредничества» в литературных контактах.

Впервые вводятся в научный обиход материалы, полученные в результате многолетних разысканий автора в архивах ИРЛИ, РНБ, в фондах Финского национального архива, архивов Финского литературного общества, музеев Финляндии (письма Эйно Лейно, Ильи Репина, Юрия Бессонова, Ивана Солоневича) литературные анкеты, протоколы допросов, воспоминания). Они являются весомыми доказательствами активных русско-финских литературных контактов.

Хронологические рамки исследования охватывают 1890–1930-е годы. В истории русской и финской культур – сложный и вместе с тем плодотворный период. Естественно, что в работе затрагиваются не все, а некоторые значимые синхронные явления двух литератур. Сознательно опускаются вопросы эволюции литературных направлений России и Финляндии.

Основные положения, выносимые на защиту. Сравнительный анализ позволит нам не только выявить общее в финской и русской литературе, что само по себе интересно, но и обнаружить новые черты внутри явлений каждой из литератур.

Направление современной компаративистики имагология подтверждает как близость отношений России с культурами Северной Европы, так и то, что культуры этих стран противостоят космополитическому межлитературному процессу. Первообразы, архетипы в культурах северных стран тоже иные, точнее отношение к этим образам, их излюбленность и значимость. Рождение универсальных моделей восприятия одного народа другим, первообразов в системе русско-финских литературных связей имеет свою специфику. Например, обращение к образу Финляндии, финляндскому пейзажу, финской мифологии значило

для русских поэтов начала XX века проникновение в глубину древней праславянской памяти, где финский феномен сливался с феноменом восточным, водная стихия со стихией степей, конкретность с неопределенностью, история с мифом. Финляндия для русской поэзии была «тайной тайн», землей сказок, добрых и страшных, код которой не поддается разгадке.

А финской общественности в 1900-е годы нужна была литература с «конкретной реальной основой», изображающая социальные конфликты. Именно такой финны хотели видеть русскую литературу. «Историческая заинтересованность» диктовала выбор книг прежде всего классиков реализма и на самые злободневные темы. Это приводило к восприятию русской литературы как тенденциозной.

Интерес к русскому символизму в Финляндии был распространен меньше. И хотя русских символистов многое сближало с финскими неоромантиками: стремление к показу внутреннего мира личности, черты индивидуализма, психологизм - главное отличие финского неоромантизма и русского символизма заключалось именно в том, что неоромантизм как явление более молодой культуры был значительно ближе к земному, к человеку с его реальными проблемами.

Мы постараемся доказать, что литературы России и Финляндии развивались не изолированно друг от друга, между ними было много точек соприкосновения, что в любую политическую эпоху литературные связи, видоизменяясь, не прекращали своего существования.

Методологической базой нашего исследования являются принципы сравнительно-исторического и типологического литературоведческих методов, примененных к изучению литературных связей в русле регионально-хронологического подхода. Мы следуем теоретическим концепциям Н.И. Конрада, М.П. Алексева, Н.И. Балашова и методике Э.Г. Карху, использованной им при исследовании литературных связей России и Финляндии XIX века.

Регионально-хронологический подход к изучению литературных связей считается наиболее эффективным авторами

монографии «Образ России. Русская культура в мировом контексте»⁹. Решение проблемы межлитературного региона в комплексе с изучением вопросов синхронного компаративизма дает наиболее значимые результаты.

Теоретическая значимость диссертации заключается в постановке важных вопросов, связанных с методикой анализа явлений художественной литературы России и Финляндии первой половины XX века. В системном анализе художественных текстов, не освоенных наукой, автор придерживается регионально-хронологического подхода.

Понимая, что научный анализ русско-финских литературных связей 1890–1930 годов невозможен в чисто литературном ряду, автор использует комплексный подход, объединяющий, синтезирующий в единое целое знание не только литературы и эстетики, но и этики, истории, политики, философии.

Практическая значимость. Результаты диссертационного исследования предполагается использовать при написании обобщающих трудов по истории русской и финской литературы, при изучении отдельных творческих индивидуальностей России и Финляндии, при чтении спецкурсов по русско-финским литературным связям в вузах Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Москвы, при дальнейшем анализе актуальных проблем, как компаративистики в целом, так и славистики и финно-угроведения в отдельности.

Апробация работы. Основные положения диссертации опубликованы в монографиях автора «Русско-финские литературные связи начала XX века» (изд-во КарНЦ РАН, 1998), «Северный лик Николая Рериха» (Самара, 2001), «Kultainen kuherrukausi» (Helsinki, Gummerus, Ajatuskirja, 2005) [«Золотой медовый век. Образ Финляндии в русском искусстве» (Хельсинки, изд-во «Гуммерус», серия «Научные книги», 2005. На фин. яз.)].

---

⁹ Ким Ле Чун, Е.Н. Лебедев, А.Д. Михайлов, А.С. Мулярчик Литература // Образ России. Русская культура в мировом контексте / Под общ. ред. академика Е.П. Чельшева. М., 1998.

Монография «Северный лик Николая Рериха» была отмечена в «Отчете деятельности РАН за 2001 год в разделе «Филологические науки».

Автор приняла участие в инициированном академиком Е.П. Чельшевым международном проекте «Образ Финляндии в России» и опубликовала статью «Образ Финляндии в русском искусстве и литературе конца XIX – первой трети XX в.» в коллективном исследовании ученых России и Финляндии «Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России» (Великий Новгород, Изд-во Нов.Гу имени Ярослава Мудрого. Серия «Научные доклады». Вып. 1. 2004). Также по теме диссертации автором опубликовано более 50-ти работ в научных сборниках и журналах, в том числе статья «Катри Вала и важнейшие тенденции финской лирики 1920–1930-х годов» в «Известиях АН СССР» (серия литературы и языка, 1985, том 44, № 6); статья «Русско-финские литературные связи 1920-1930-х годов» (Russian-Finnish literary relations of the 1920-1930) в материалах второго международного симпозиума «Финно-угры и индоевропейцы: языковые и литературные контакты» состоявшегося в г. Гронингене (Нидерланды) в 2001 г.; статьи в итоговых сборниках по результатам международных конгрессов финно-угроведов в г. Сыктывкаре (1985 г.), в г. Ювяскюля (Финляндия) (1995 г.), в г. Тарту (2000 г.); а также в трудах институтов РАН и университетов Санкт-Петербурга, Финляндии, Эстонии. С докладом «Творчество Л.Н.Толстого в Финляндии» автор приняла участие в работе конференции «Состояние и задачи сравнительного литературоведения», организованной Научным советом АН СССР по проблеме «История мировой литературы», основные положения доклада были аннотированы в итоговом документе «Всесоюзная конференция по сравнительному литературоведению» в «Известиях АН СССР» (серия литературы и языка, 1990, том 49, № 2)

По теме диссертации автор прочитала спецкурс лекций в Петрозаводском, Санкт-Петербургском государственных университетах, выступала с лекциями в университетах Хельсинки, Йёнсуу, Ювяскюля (Финляндия).

Обоснованность научных результатов диссертационного исследования подтверждается высоким индексом цитирования опубликованных работ, многими ссылками на статьи и монографии автора в научных трудах русских и финских ученых, в изданиях Института мировой литературы РАН, Санкт-Петербургского университета, в «Известиях АН СССР», в научных журналах «Opuskulum», «Taide» (Хельсинки).

Структура диссертационной работы определяется логикой исследования, его целью и задачами, она состоит из введения, пяти глав, заключения и библиографического списка.

Содержание работы

Во введении обосновываются выбор темы, актуальность и новизна диссертационной работы, формулируются цель и задачи исследования, определяется его методология, излагается степень работанности темы и дается историко-литературный экскурс.

В начале XIX Финляндия присутствовала на страницах русских литературно-художественных журналов как край экзотики. Финляндская тема появлялась в творчестве К.Н. Батюшкова, Е.А. Баратынского, Я.К. Грота, П.А. Плетнева, Ф.К. Дершау. На рубеже XIX–XX веков в России возникает большой интерес к финской культуре. К этому времени финское искусство и литература имели уже богатые традиции и международное признание: архитектор Э. Сааринен, композитор Я. Сибелиус, художник А. Галлен-Каллела, литераторы Ю. Рунеберг, А. Киви, А. Ярнефельт. В Петербурге выходил журнал «Финляндия», а финские журналы «Айка», «Валвоя», «Хельсингин Кайку», словно соревнуясь друг с другом в количестве переводов с русского публиковали произведения Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.М. Горького, Д.Н. Мамина-Сибиряка, Л.Н. Андреева и других писателей России.

Перекрестные влияния литератур давали неплохие результаты. Произведения Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, М. Горького, творчески воспринятые в Финляндии, обогащали финскую прозу, расширяли ее жанровый репертуар, углубляли ее психологический подтекст. В то же время знаками русской поэзии начала XX века становились

образы финской природы: водопад Иматра, озеро Сайма. Видные русские литераторы переводили финских лириков, подолгу жили в Финляндии, иногда отождествляя ее в поэтическом сознании со своей Родиной.

Но с победой Октябрьской революции в России и с поражением рабочей революции 1918 года в Финляндии в истории русско-финских литературных взаимоотношений начался новый и совершенно неожиданный для обеих литератур этап.

Литературные связи 1920–30-х годов были противоречивыми, эпизодическими, даже случайными. Они выражались в совершенно неожиданных формах. Перевод на финский язык романа Ф. Достоевского «Братья Карамазовы» в 1929 году, статья Катри Вала о Вере Инбер, стихи Эльмера Диктониуса о Гоголе, Достоевском, Толстом, статьи О. Пааволайнена о Маяковском и футуристах, переводы Веры Булич стихов Катри Вала, а Рафаэля Линдквиста поэмы А. Блока — это одно из проявлений литературных связей сложной предвоенной эпохи. Но были и другие. Рассказ И. Солоневича, готовившего своей побег из лагеря в Финляндию, о встрече на этапе с финскими заключенными, бежавшими из Финляндии в Россию — это тоже страница истории литературных связей.

В первой главе «Восприятие русской литературы в системе контактных связей» рассматриваются различные точки зрения на русскую прозу в Финляндии в 1890–1910-е годы, изучается интерпретация русской поэзии Рафаэлем Линдквистом, прослеживается роль «посредников» — журналистов и литературоведов в развитии отношений России и Финляндии.

Обращаясь к русской литературе, финские критики как бы «примеряли» ее на себя, задавались вопросом: «Нужно ли это нам?» В 1912 г. в журнале «Айка» вышла статья В.А. Коскенниemi «Анна Каренина» с подзаголовком на латинском языке «Oriens an Occidens» («Восток или Запад»), которая стала, по выражению профессора А. Сараяс, «в некотором смысле культурно-политической программой, направленной против русского влияния». Отвечая на вопрос «Восток или Запад?», В. Коскенниemi выбирает Запад потому, что влиянию русской

литературы невозможно противостоять. Выделенные Ф. Ницше два начала в искусстве – «дионисийское» (стихийное) и «аполлоновское» (гармоническое) – В. Коскенниemi относит к литературе России и Западной Европы. Русскую литературу критик называет «дионисийской поэзией русских инстинктов», а мастером описания инстинктов считает прежде всего Л. Толстого. Талант Л. Толстого, по мнению В. Коскенниemi, – антиинтеллектуальный, «герои у Толстого лишены интеллектуальной жизни, поэтому они не могут быть носителями культуры в такой степени, как герои Гёте». Литературный тип в русской прозе, на взгляд В. Коскенниemi, лишен «того равновесия активности и пассивности, ума и сердца, которое характерно для западноевропейского идеала, герой в русской литературе представляет собой крайность».

У позиции Коскенниemi было много противников, но были и последователи, считавшие русскую литературу дионисийской, чувственной, свободной от отвлеченных тем и философских парадигм.

Одновременно с «дионисийской» в Финляндии существовала другая точка зрения на русскую литературу как на литературу тенденциозную, социальную, программную. Причем обе точки зрения, совершенно исключая друг друга, сосуществовали на страницах одних и тех же журналов и выражались разными авторами, порой по отношению к одним и тем же русским писателям. Самые большие споры вызывало творчество Л. Толстого.

Произведения Толстого и его учение стали известны в Финляндии во многом благодаря писателю Арвиду Ярнефельту.

Ярнефельт, прислушиваясь к Толстому в вопросах веры, духовного совершенствования, экономики, вступает, однако, в полемику с русским писателем, касаясь проблемы патриотизма, старается убедить «великого русского», что в Финляндии патриотизм означает нечто совсем иное, чем во Франции или Германии; что пробуждение национального самосознания финнов пронизывалось идеей слияния образованного класса с народом: «В результате усилий образованного класса осуществить эту идею и возникло у

нас все то, что мы теперь имеем. Возникли национальная литература, школы, театр, возникла осознанная финская мысль»¹⁰.

Первые переводы Толстого в Финляндии совпали по времени также с зарождением рабочего движения. По статьям Толстого рабочая пресса формировала свой художественный вкус, вырабатывала свое отношение к культуре. Благодаря Толстому многие вопросы рабочего движения стали предметом постоянного обсуждения в прессе. Огромный интерес к Толстому в Финляндии оказал большую услугу рабочим. В. Коскенниemi, не принимавший идей Толстого, считавший его виновником многих бед России, полагал, что Толстой был центральной фигурой, стоявшей на фоне революции и событий 1918 года в Финляндии.

Деятели рабочей культуры восприняли статью Толстого «Что такое искусство?» как свой манифест. Требование от искусства доступности, отрицание элитарного искусства стали основными положениями культурной программы рабочего движения Финляндии. Либеральная печать Финляндии отнеслась к толстовской статье менее заинтересованно и менее восторженно.

В статье «Лев Толстой и современное искусство», опубликованной в «Айка», Ф. Линдстрем сравнивает русского писателя с Платоном и Руссо и считает, что выход трактата Л. Толстого «Что такое искусство?» не является неожиданностью в России, где литература – целенаправленное и тенденциозное искусство».

Но, пожалуй, самого заинтересованного читателя произведения Толстого нашли в лице лидера финского неоромантизма Эйно Лейно. В своей книге «Финские писатели» (1909) Лейно влиянием Толстого объясняет некоторые факты литературы Финляндии, называет Арвида Ярнефельта «знаменосцем идей Толстого»¹¹, в творчестве Илмари Кианто обнаруживает увлеченность Ярнефельтом, а через Ярнефельта – русской литературой, и, наконец, последняя пьеса Минны Кант «Анна-Лийса», по мнению Лейно, написана с явной оглядкой на творчество «большого русского писателя и проповедника нравственной

---

¹⁰ Ярнефельт А. Из «Дневника о моей поездке по России» (1899) // Э. Г. Карху. Общение культур и народов. Петрозаводск, 2003. С. 211.

¹¹ Leino E. Maailmankirjailijoita. Helsinki, 1978. S. 388

чистоты»¹². Сюжет пьесы, считает Лейно, взят из жизни народа, главная героиня в результате эволюции своего мировосприятия устремляется к поиску внутренней нравственной свободы личности, «... которую человеку кроме него самого ничто: ни законодательство, ни революция – не может дать»¹³.

Статьи Э. Лейно о Толстом отличаются историзмом мышления, остросоциальным пафосом. Лейно связывает творчество Толстого с конкретной политической ситуацией в России. Толстой не мог родиться ни в какое другое время, кроме как в XIX веке, ни в какой другой стране, кроме как в России, – считает Лейно. «Как бы сурово ни осуждал Толстой все современное государственное и общественное устройство мира, он сам был его плодом, его прекрасным, зрелым гением, для появления Толстого необходимо было, чтобы на земном шаре существовало государство, имя которого Россия, и чтобы в этом государстве существовали царь и более двухсот миллионов крестьян, церкви с золотыми куполами и убогие хижины», – писал Лейно в некрологе «Лев Толстой», опубликованном в «Хельсингин саномат». Однако и то, что финский неоромантизм был связан теснее с почвой народной жизни, чем неоромантические направления в Европе, есть тоже результат влияния Толстого.

Большой интерес обнаружили финны и к творчеству А.П. Чехова. Но если режиссер Эйно Калима видел в драматургии Чехова «тончайшие лирические настроения», то критик Я.А. связывал творчество писателя прежде всего с государственной жизнью его времени, с исторической ситуацией и опять же с тенденциозностью. Под тенденциозным финские критики понимали чуткость к социальным проблемам, гражданскую позицию, служение общественным идеалам. Но финские литераторы старались не замечать в России литературу, лишенную социальной тематики. Интерес финских журналов и издательств к русской литературе был прежде всего интересом к писателям-реалистам. С. Степняк-Кравчинский, Д. Мамин-Сибиряк, К. Станюкович, В. Короленко, С. Гусев-Оренбургский, П. Поливанов находили своих читателей в Финляндии. Для перевода выбирались произведения на самые

---

¹² Leino E. Maailmankirjailijoita. S. 385.

¹³ Ibid.

злбодневные темы с антиправительственными акцентами, гражданским накалом, показом современности. В 1900-е гг. в период роста национального самосознания, когда идея государственной самостоятельности Финляндии становилась все более актуальной, финская общественность нуждалась в подобной литературе.

Не раз можно было заметить, что финские критики писали о том или ином переводе русской литературы как о ценном вкладе в литературу финскую. Это несколько по-европейски потребительское отношение к литературе, тем не менее, давало результаты. На вопрос о переводах русской литературы: «Нужно ли это нам?» финская критика ответила однозначно: «Нужно». На вопрос: «Зачем это нам?» ответы были разные. Одни критики видели в русской литературе безграничное, мощное чувство, стихийность, по выражению В. Коскениеми, «дионисийство»; другие относились к русской литературе как к тенденциозной, социально программной, политически заданной; третьи находили у русских писателей ответы на глубинные вопросы бытия. И русская литература могла удовлетворить любые запросы финской читающей публики.

Интерес к русской литературе в Финляндии в начале XX века был прежде всего интересом к русской прозе. Поэзия России оставалась для финнов «слишком русской». И хотя А. Пушкин надеялся, что о нем будут знать «и гордый внук славян, и финн», финскому читателю имена русских поэтов почти ничего не говорили. В этой связи заслуживает внимания антология «Из поэзии России» («Ur Rysland sång»), выпущенная в 1904 г. в Хельсинки в переводах финляндского шведа Рафаэля Линдквиста. Антология получилась полной, но пестрой. Былины, оды Ломоносова и Державина, соседствовали с гражданской лирикой Некрасова, «Песней о Буревестника» Горького. Особенно русскими в «этой пестроте» показались финнам безнадежный пессимизм и горькая ирония. Выбирая для перевода в основном стихотворения с гражданским пафосом, Линдквист представил русскую поэзию излишне социальной, что дало повод Вилью Таркиайнену в отклике на выход книги противопоставить социальную остроту русской поэзии спокойствию финской лиры. Переиздание антологии состоялось через 30 лет, в 1934 г. За это время переводчик познакомился с русской поэзией начала

XX века и включил в книгу стихи русских символистов В. Соловьева, Ф. Сологуба, В. Иванова, К. Бальмонта, В. Брюсова, А. Белого, А. Блока.

Рафаэль Линдквист был тем, кого в современной компаративистике называют «посредником» в литературных связях. С полным правом к «посредникам», способствовавшим сближению русской и финской литератур, можно отнести редакторов журнала «Финляндия» (1908-1910), издававшегося на русском языке, П.В. Гусева и сменившего его А.В. Игельстрема.

В журнале не было особой системы отбора произведений финской литературы, переводились писатели разных направлений и возрастов. Но редакторам «Финляндии» хотелось познакомить русских читателей не столько с литературными знаменитостями и литературными памятниками, сколько с живой, современной им, читателям, финской литературой. Это был главный принцип в подходе «Финляндии» к переводам.

На литературную политику журнала влиял член редколлегии И.Е. Мандельштам, возглавлявший кафедру русского языка и литературы в Гельсингфорсском университете с 1897 по 1909 год. Автор вводит в научный обиход обширную переписку профессора—«посредника» с А.Н. Веселовским, А.Н. Пыпиным, М.М. Стасюлевичем, свидетельствующую о непосредственных контактах филологов и литераторов России с Финляндией.

Мандельштам искренне желал, чтобы Россия и Финляндия знали литературу друг друга. Его преподавательская и редакторская деятельность была выражением этого желания. Отрицательное отношение Мандельштама к русским символистам, возможно, сказалось на том факте, что в начале XX века финны их не переводили.

Во второй главе «Типологические соответствия в русской и финской литературе конца XIX – начала XX веков» дается анализ основных черт финского неоромантизма в типологическом сопоставлении с литературно-эстетическим наследием русских символистов.

Финляндией, ее природой и культурой, в большей степени в начале XX века интересовались поэты символистского направления, хотя именно символизм в финской критике практически обойден молчанием.

В стремлении символистов к пониманию вечных проблем, к синтезу, к красоте, в отвлеченности их идеала уже можно почувствовать общее с финским неоромантизмом. Перед писателями-неоромантиками заново встали вопросы о путях истории, о назначении человека, о смысле бытия.

К неоромантикам принято относить Э. Лейно (1878–1926), Л. Онерва (1882–1972), В. Килпи (1874–1939), Й. Линнанкоски (1869–1913), Ларин–Кюэсти (1873–1948). Период неоромантизма был переходным и кратким (середина 1890-х – середина 1900-х годов), но это направление сыграло важную роль в становлении финской национальной культуры. Финский неоромантизм и русский символизм – направления одной эпохи. Их можно отнести к одному так называемому «романтическому» типу культуры. Но финский неоромантизм и русский символизм не повторяли друг друга, и внутри каждого из них были свои противоречия. Русские символисты чувствовали себя отдаленными от народа на несравнимо большее расстояние, чем неоромантики. Подтверждением этому звучат воспоминания поэтессы Е. Кузьминой–Караваевой: «Мы были последним актом трагедии – разрыва народа и интеллигенции»¹⁴. Столь очевидного разрыва с народом финский неоромантизм не знал. В этом проявились и своего рода ограниченность, и здоровое начало неоромантизма.

У финского неоромантизма и у европейского и русского символизма одни истоки, одной эпохой вызваны общие черты и проблемы. По словам В.А. Келдыша, «одной из важнейших особенностей литературы рубежа стало изживание мощного — во всемирном масштабе — позитивистского влияния»¹⁵.

Но явления, имевшие место в культуре Финляндии и России, имели яркие национальные оттенки. К финскому неоромантизму можно отнести слова Р. Коскимиеса, сказанные о творчестве

---

¹⁴ Кузьмина-Караваева Е. Ю. Встречи с Блоком // Учен. зап. Тартуского ун-та. Литературоведение 1968 Вып. 209 С. 267–268.

¹⁵ Келдыш В.А. Русская литература «серебряного века» как сложная целостность // Русская литература рубежа веков (1890 – начало 1920-х годов) В 2-х т Т 1 М, 2000. С. 29.

Э. Лейно: «Все французское растворялось в национальном колорите Калевалы»¹⁶.

Увлечение европейским средневековьем, библейской и греческой мифологией, буддизмом (им некоторое время интересовался Лейно) несравнимо с огромным интересом неоромантиков к истории национальной культуры. Этот интерес вылился в целое направление, захватившее почти всех деятелей финской культуры, — карелианизм. Фольклорные образы впечатляли неоромантиков своей монументальностью. Героями стихотворений Лейно, Ларин–Кюэсти становятся персонажи Калевалы: Куллерво, Лемминкяйнен, Вяйнямейнен — и простые люди, которые, однако, под стать героям древних мифов. Таковы Уртти из баллады Ларин–Кюэсти «Мечь в лесу» и Илерми из баллады Лейно «Илерми». Эти герои были замечены русскими символистами. Брюсов поместил обе баллады в «Сборнике финляндской литературы», который он редактировал вместе с А. М. Горьким, и сам перевел балладу Ларин–Кюэсти.

Фольклорные герои в какой-то степени соответствовали мечте неоромантиков о новом человеке. В эпосе, а также в своих путешествиях по Карелии неоромантики искали материал для создания «благородного человеческого типа, образа нового человека, умного, душевного, альтруиста»¹⁷.

Однако отношение к фольклору у неоромантиков было больше эстетическое, чем политическое или какое-либо другое. Отражение красоты в искусстве они ставили в заслугу собственному направлению. Реалисты, на их взгляд, понимали красоту недостаточно. «Когда неоромантики, пораженные эпическим величием "Калевалы", масштабностью ее образов, противопоставляли древний "век Вяйнямейнена" современному <...>, то древность была для них скорее эстетической, чем социально-исторической реальностью»,¹⁸ — пишет Э.Г. Карху.

---

¹⁶ *Koskimies R. Suomalainen uusromantiikka // Koskimies R. Suomen kirjallisuus IV. Helsinki, 1965. S. 308.*

¹⁷ *Sarajas A. Viimeiset romantikot Kirjallisuuden aatteiden vaihtelua 1880-luvun jälkeen. Porvoo, Helsinki, 1962.*

¹⁸ Карху Э.Г. Очерки финской литературы начала XX века. С.57.

Признавая кризис христианства, его раздробленность и несостоятельность, Лейно все же считал, что «христианское мировоззрение привлекает уставшие от холодной действительности души своей эстетической красотой». Свойствами неоромантика, по мнению Лейно, являются «поиск прекрасных чувств», «языческая вера в красоту»¹⁹.

Но известная мысль Ницше о том, что «существование мира может быть оправдано лишь как эстетический феномен»²⁰, не удовлетворяла финских неоромантиков. Понятие красоты было неотделимо у них от понятия человеческого счастья. В окружающей действительности вряд ли можно было ожидать воплощения неоромантической красоты. Ее поиск опять-таки уводил финских неоромантиков в народную эстетику. И хотя с именами Волтера Килпи, Эйно Лейно в финскую литературу пришли понятия «трагизм бытия», «трагический оптимизм», тем не менее, первым отличием своего направления от старого финского романтизма середины XIX века неоромантики называли жизнерадостность. Даже Волтер Килпи, эстетизирующий в своих произведениях «Парсифаль» ("Parsifal", 1902), «Антиной» ("Antinous", 1903) трагизм одиночества и смерти, включил статью «Слово радости» в сборник «О человеке и жизни» ("Ihmisesta ja elämästä", 1902). Правда, его культ радости — это грань все той же эстетизации трагизма бытия. Поскольку бытие изначально трагично, считал Килпи, нужно научиться радоваться немногому, что дается жизнью. Здесь Килпи явно напоминает Ницше, призывавшего: «... научитесь смеяться, молодые друзья мои, если вы во что бы то ни стало хотите остаться пессимистами»²¹.

Отличительной идеологической особенностью финских неоромантиков было отношение к проблеме познания. Интуитивный путь познания воспринимался неоромантиками как высший по отношению к логическому. Именно высшее интуитив-

---

¹⁹ *Leino E. Suomalaisen kirjallisuuden historia // Kootut teokset. XIV. Helsinki 1929 S. 397.*

²⁰ *Ницше Ф. Рождение трагедии // Собр соч Т 1 М, 1912 С. 28*

²¹ *Ницше Ф. Указ. соч., с. 33.*

ное познание, на их взгляд, позволяло проникнуть в суть бытия. Познание мира, считали они, возможно только через искусство. «Что, что, а это время вызвало пренебрежение к познанию внешней действительности и заставило людей уйти в себя – думать, мечтать, забывать, – писал Лейно. – Для многих финских писателей познание могло осуществляться только в искусстве»²².

Интуицию, «духовное видение», поэтическую страсть считал Йоханнес Линнанкоски главными моментами творчества: «Из внешнего мира надо брать только то, что необходимо для внутреннего. <...> Жизнь бессмертна только в искусстве»²³. Однако недооценка логического пути познания не уводила финских неоромантиков в крайнюю мистику. Идеал финских неоромантиков жаждал земного воплощения и воплощения не просто на земле, а на крестьянской земле. Но к идеалу предъявлялись большие требования: обобщенность, цельность, синтетичность. Синтез оставался одним из главных принципов неоромантической эстетики.

В неоромантической трактовке синтеза также имело место объединение понятий земного (материального) и небесного (духовного), рационального и иррационального. Но все же синтез неоромантиков сводился не к единству материального и духовного, как это было в эстетике русского символизма, а к единству национальных устремлений, к духовной цельности народа, к «вере в цельность, вере в назначение человека»²⁴. Именно слово «цельность» было ключом к пониманию синтеза финскими неоромантиками.

С новой силой в творчестве финских неоромантиков зазвучали «вечные» темы одиночества художника, отношения искусства и жизни, лжи и правды, человека и общества. Но до неоромантиков в финской культуре никогда личность и общество не выступали антагонистами. В «Малом катехизисе» Линнанкоски требовал от художника «одиночества, бедности... несчастной судьбы»²⁵.

---

²² *Leino E. Suomalaisen kirjallisuuden historia. S. 398.*

²³ *Linnankoski J. Vähä katkismus // Kootut teokset III Helsinki. 1952. S. 654*

²⁴ *Linnankoski J. Op. cit. S. 657.*

²⁵ *Linnankoski J. Op. cit. S. 655.*

Однако, наряду с желанием возвыситься над обществом, у неоромантиков жила мечта слиться с обществом.

В поэме «Отшельник» Л. Онерва герой чувствует, что, уйдя от людей, он не приблизился к своему идеалу – он не стал ближе к небу. Хотя Онерва вселяет в героя желание быть таким, как другие, она все же возвращает отшельника к людям возвышенным над ними.

Слияния неоромантического героя с обществом не происходит. Сейчас, по прошествии столетия со времени расцвета финского неоромантизма и русского символизма, можно сказать, что в этих направлениях было много общего. Остановив свой взгляд на русском символизме, мы будем выявлять те черты в его эстетике, которые были близки финским неоромантикам.

Как финским неоромантикам, так и русским символистам было свойственно обращение к древности и древним культурам Вяч. Иванов считал, что «творчество поэта – и поэта-символиста по преимуществу – можно назвать бессознательным погружением в стихию фольклора»²⁶. Только в древности, у древних народов с их синкретичным, дологическим сознанием, полагали символисты, можно было найти высокие истины, личность, не разделенную с природой, «осуществленный синтез». Но стремление символистов к народности носило все же абстрактный, теоретический характер. У финских неоромантиков интерес был не только к народу в целом, но и к конкретным людям из народа, к крестьянам с их земными проблемами, у русских символистов интерес к народу отодвинул «на задний план интерес к человеку из народа»²⁷.

Красота для символистов всеобъемлюща. Без красоты невозможна истина, поскольку истина – «синтез добра и красоты»²⁸. Сама идея добра тоже раскрывается через красоту. А красота являет себя в природе мировой души, в образе Софии-премудрости, в облике Прекрасной Дамы. В неоднозначном понимании красоты рус-

---

²⁶ Иванов Вяч. По звездам: Статьи и афоризмы. СПб., 1909. С. 40.

²⁷ Минц З.Г. Блок и русский символизм // Александр Блок Новые материалы и исследования. В 4-х кн. Кн.1 М, 1980 С 133

²⁸ Блок А. Дневники // Собр. соч. В 8-ми т Т 7 М; Л., 1963 С 51

ские символисты сходились с финскими неоромантиками. У тех и других понятие красоты связывалось с понятием истины, доброты, веры. Но опять-таки неоромантики осознавали красоту в более реальных категориях: через красоту человеческих чувств, человеческое счастье, плодотворность. Одна из центральных идей символизма, идея Вечной Женственности, была финскому неоромантизму незнакома.

Одинаковый подход обнаруживают финские неоромантики и символисты к проблеме героя. Ненависть к мещанству породила у символистского героя стремление к одиночеству.

Человек у символистов одновременно и «богоборец», и «богосоцет». «Художник противопоставлен богу. Он вечный богоборец», — считает А. Белый, но «художник — творец вселенной»²⁹, т. е. он сам бог, «теург» (термин В. Соловьева). «Эстетика Соловьева, видевшего художника мистическим посредником между горним и дольным в «теургической» (богодейственной) миссии «пересоздания» отдельной личности и, тем самым, обновления бытия, соловьевское понимание искусства как силы, «просветляющей и преображающей весь человеческий мир», определили контуры этикоэстетической утопии символистов»³⁰, — считает И.В. Корецкая. «Я — мир миров», — ссылается Белый на Р. Штейнера³¹. Почти теми же словами пишет о человеке в стихотворении «Я» («Minä») Эйно Лейно: «Minä on maailman ajatus, alku, loppukin elämä» («Я — это мысль мира, начало и конец жизни») ³². Символистский герой также стремится найти выход из своего одиночества. Она, героиня драмы Ф. Сологуба «Любовь над безднами», уходит от Него, спускается с гор с Человеком земли. И «лирического героя Блока порой сотрясают кризисы «уединенного» сознания, а в художественном мире Белого постоянен поиск дороги к «соборности»³³.

²⁹ Белый А. Арабески. М. 1911. С. 152.

³⁰ Корецкая И.В. Символизм // Русская литература рубежа веков (1890 — начало 1920-х годов). С. 703

³¹ Белый А. Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. М., 1917. С. 36.

³² Лейно Е. Minä // Kootut teokset. II. Helsinki, 1929. S. 282.

³³ Келдыш В.А. Указ соч. С. 36.

«Младшие» символисты, как и финские неоромантики, переоценивали роль искусства, творчества и в сближении людей, и в отношении к проблеме познания. «Познание предопределено творчеством, – считает А. Белый, – творчество прежде познания»³⁴. Отрицание символистами важности логического пути познания приводило их к иррациональному миропостижению, обусловило возникновение интереса ко всему неземному, непреходящему, запредельному, другими словами, к «высшей реальности». Если и можно познать мир, находящийся «за пределами видимости» (выражение А. Белого), то через искусство, ибо «искусство есть гениальное познание»³⁵.

Попытки подчинить логический метод познания интуитивному делались Вяч. Ивановым, А. Белым. На этом основана теория «нисхождения» Вяч. Иванова. Интерес к синтезирующему познанию и к синтезу в целом был заимствован символистами из философии В. Соловьева, с его концепцией «всеединства», всеобъемлющего синтеза идеального и материального. «У преемников философа это качество по-разному сказывалось в идеях сближения язычества и христианства на историческом пути человечества, чаяния грядущего синтеза «святой плоти» и «святого духа» и др.»³⁶ Синтез распространялся на рациональное и иррациональное, философию и мистику, искусство и религию, землю и небо, микрокосм и макрокосм, человека и Бога, на жанры литературы. Синтез неоромантиков был прежде всего тягой к цельности в человеке.

Русские символисты и финские неоромантики принадлежали к разным языковым культурам, их творчество начиналось от разных истоков, но вместе с тем финских неоромантиков и русских символистов многое роднило: неудовлетворенность временем, поиск идеала героической личности, стремление к синтезу, одинаковый подход к проблеме познания, понимание красоты как высшей сущности мира. Их искусство было формой существования их мечты, это было искусство ожидания и веры в назначение человека.

---

³⁴ *Белый А.* Символизм. М. 1910. С. 211, 451.

³⁵ *Белый А.* Арабески. С. 225.

³⁶ *Келдыш В.А.* Указ. соч. С. 43

Во второй части главы исследуются типологические отношения поэтического творчества Эйно Лейно и Николая Рериха.

Типологические аналогии в творчестве поэта-неоромантика Эйно Лейно и Николая Рериха обусловлены генетическим родством поэзии и драматургии двух авторов. Оба творили в одну эпоху, оба восприняли эстетику символизма, испытали в той или иной степени влияние философской системы Ф. Ницше, оба проявляли большой интерес к теософии. Отношение Э. Лейно к русской литературе не всегда было равным, восторженные отзывы порой соседствовали с недоверием к ней, однако в русской литературе Э. Лейно ценил прежде всего мастерство духовного анализа. Именно духовная наполненность, этическая проблематика отличали творчество Н. Рериха, когда он жил в Финляндии в 1916–1919 гг.

Чувство кризисности мира заставляло поэтов устремить свои взгляды в будущее. Приближение нового времени они связывали с образом нового героя. Героический идеал проецировали в будущее через прошлое, сближая тем самым отдаленные эпохи и освобождая своего героя от реальных исторических связей. Знание фольклорных источников помогло как Н. Рериху, так и Э. Лейно создать образы героев, которые напоминали бы эпических богатырей. У Н. Рериха это Гримр-викинг, Лют-великан, Гайятри, у Э. Лейно — Вяйнямейнен, Коута, Илерми. Но эти герои наделены и чертами индивидуализма, не характерными для героев эпоса. Например, бросивший вызов Богу Илерми неоднократно повторяет, что он не похож на всех, он особого рода. Коута становится всезнающим (kaikkitieto), но ценой нравственного падения. Вопрос познания Э. Лейно переносит из области идей в сферу человеческого поведения, и в этом смысле его позиция совпадает с позицией Н. Рериха, автора стихотворения «Не убить?» Проблема познания в поэзии Рериха и Лейно решается с этических позиций. Разница в том, что знахарь Коута жертвует своей человечностью ради получения синкретических знаний прорицателя, а маленький герой Рериха совершает «убийство» в поиске знания рационального.

Что есть истина? И чем она лучше лжи? Поэтические ответы Лейно и Рериха на эти вечные вопросы смыкаются структурно. Антитеза правда – ложь передается поэтами через

антитезу земля-небо. Героиня стихотворения Э. Лейно «В лодке» и мальчик из рериховского стихотворения «Не закрой», склонившись над водой, любят отражением неба. Гребец учит девушку довольствоваться лишь отражением, не глядеть на небо, ведь ложь всегда красивее правды, в то время как мальчику советуют обратить свой взгляд вверх, чтобы увидеть «великое небо».

К 1896 г. относится стихотворение Э. Лейно «Когда стоят часы» («Kun kello seisoo»), своеобразный портрет эпохи. Поэт спрашивает, когда же будет восстановлено истинное время? Рерих на такой вопрос ответил бы одним словом: «Завтра». В поэзии Лейно и Рериха тема ожидания неразрывно связана с образом вестника. Образ вестника часто сливается с образом певца, а музыка становится вестью. Вестник–певец у Лейно и Рериха всегда путник. Чувство пути, которое Блок считал главным признаком литературного таланта, было для них очень характерно. Герои Рериха ищут путь к солнцу, герои Лейно – к свободе. В стихотворении «Завтра» рериховский путник «под лучами нового солнца» теряет знание, забывает все, «что было накоплено». Э. Лейно в стихотворении «Мой путь» («Minun tieni») свою дорогу называет «дорогой блужданий», а себя плохим проводником на этой дороге, растерявшим все, что получил дома. Но для Лейно и Рериха важно, чтобы их герои не потеряли главного – пути.

К 1908 г. принадлежит стихотворение Э. Лейно «Minä», в котором поэт обожествляет человека в бесчеловечном мире. В поэзии Лейно идеал воплощен в образе земного человека, у Рериха идеал – вне человека: в природе, в космосе. И все же Рерих хочет, чтобы его герой достиг высот познания и нравственности. Обращение к этике выделяло и Лейно, и Рериха среди литераторов–соотечественников.

Стремление Лейно и Рериха возродить давно забытые формы народной культуры – действия, мистерии, где бы сочетались обряды, музыка, драма – привело обоих в драматургию. С установкой на всенародность писал Лейно пьесу «Sota valosta» («Борьба за свет») и Рерих «Милосердие». Но театр, задуманный как всенародный, оказался в большей степени элитарным.

Поэзию Лейно и Рериха многое роднило: поиск идеала героической личности, этические искания, стремление к синтезу.

В третьей главе «Образ Финляндии в русской литературе 1890–1930-х годов» исследуется восприятие финской природы и культуры в творчестве русских поэтов до и после закрытия границы между Финляндией и Россией, прослеживается формирование образа Финляндии в русской прозе, создававшейся по обе стороны границы.

Подолгу живя в Финляндии, Владимир Соловьев создает образ северной природы, в котором тишина и грохот, рай и ад, божественное и демоническое сочетаются в гармоничном единстве. В стихотворениях «Сайма», «На Сайме зимой», «Иматра», «Колдун–камень» финский пейзаж строится на соединении несоединимого, в бинарном ключе: «полярное пламя», «темного хаоса светлая дочь», «шум и тревога в глубоком покое». Финляндия привлекает Соловьева красотой («Краса полуночного края»), тайной («Где ночь безмерная зимы / Таит магические чары»), правдой («Там богу правды я молился...»). С.Н. Булгаков обратил внимание на двусмысленность пейзажной лирики В. Соловьева, но в финских стихах Соловьева важно не само двоemiрие, а по словам Д.М. Магомедовой, «момент перехода границы между этими мирами»³⁷. В. Соловьев иронизирует над своей любовью к финскому озеру Сайма. Однако в стихотворениях «Июньская ночь на Сайме», «Иматра» воплощается вполне серьезная мысль философа о явлении Софии в мир финской природы.

В отличие от В. Соловьева Александр Блок проявляет интерес к финской литературе, переводя стихи С. Топелиуса, Л. Онерва, Ю. Рунеберга, рецензируя прозу Арвида Ярнефельта. Блок находит близким себе диалог со звездами в поэзии С. Топелиуса, сюжет нисхождения от небесного к земному в стихах Я. Тегенгрена. Непосредственно образ Финляндии появляется в одном стихотворении Блока «В дюнах» 1907 г. Для А. Блока Финляндия – это «песчаная, свободная, чужая» страна, рядом с которой Россия выглядит

---

³⁷ Магомедова Д.М. Владимир Соловьев // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов). С. 765.

«бесприютным храмом». Финская незнакомка убегает от героя блоковского стихотворения, оставаясь чужой и вольной.

Финские пейзажи в поэзии Валерия Брюсова – это озера, берега, водопады, «волны, шитые шелками». Пристрастие к водному пейзажу – это и факт русской поэзии начала XX века, и древнее языческое одухотворение водной стихии, живущее в сознании русских и финнов. Через излюбленные образы воды проявляется и доисторическая память, и реальная история. В. Брюсов показал себя и знатоком «Калевалы», и «финляндского вопроса», и финской живописи, и, что очень ценно, финской поэзии.

В. Брюсов вместе с М. Горьким редактировал «Сборник финляндской литературы» и перевел для него несколько стихотворений. В подходе В. Брюсова к переводам сказались и его любовь к северному пейзажу, и его символистские установки. Стихотворения подбирались с фольклорными сюжетами, с лирическими героями-индивидуалистами, с пантеистическими мотивами. Водная стихия воспевается и Брюсовым-переводчиком, о чем свидетельствуют уже сами названия стихотворений: «У ручья» (Ю. Рунеберг), «Песня Вуоксы» (Ю. Эркко), «При устье речки» (Я. Прокопе). Большая часть переведенных стихотворений принадлежит поэтам-неоромантикам: Э. Лейно («Сердце»), Л.-Кюэсти («Митимарья», «Месть в лесу»), Л. Онервы («Ответственность перед родом»). В. Брюсов привлек к переводам финской поэзии также своих братьев по духу – символистов Вяч. Иванова и А. Блока. И хотя сборник готовился к печати в 1917 году, и мир уже «переболел» символизмом и неоромантизмом, в «Сборнике финляндской литературы» состоялась первая непосредственно литературная встреча русских символистов и финских неоромантиков.

Финская природа стала фактом русской поэзии XX в. Озера и водопады Финляндии в сознании русских поэтов вписались в образный ряд Лукоморье – Волга – Сайма – Иматра. Водопад Иматра был одним из знаков русского XX века с его потрясениями.

Обращение к финляндскому пейзажу, а через него к образам финской мифологии значило для русских поэтов 1910-х годов проникновение в глубину древней праславянской памяти. История трактовалась через пейзаж, объяснялась через географические и

пространственные образы. Сама жизнь поэта и его человеческий облик приобретали географические знаки. В то же время ландшафт приобретал исторические и человеческие черты. Происходило слияние культуры и ландшафта.

В творчестве О. Мандельштама, И. Анненского, С. Черного, Г. Петникова, С. Городецкого, Л. Лайцена, Е. Гуро, А. Ахматовой тема Финляндии не была эпизодической, случайной. Поэты придавали образу Финляндии «особенное значение». В сознании О. Мандельштама, К. Фофанова, Е. Гуро Финляндия порой ассоциируется с родиной, а финская природа называется родной.

Финляндия осталась для литераторов России во многом сказкой, страной вдохновения, «приютом поэтических скитаний». Лирические герои русской поэзии искренне растеряны перед природой Финляндии, убеждены, что код сказочной северной земли разгадать невозможно: «Я не знаю, как долго, не знаю, кому я молился...» (О. Мандельштам), «И я мечусь, душой изнемогаю...» (К. Фофанов), «Лес – ли – озеро – ли?» (Е. Гуро), «Я ничего не понимаю, горы...» (Н. Гумилев), «Иль тайна тайн во мне опять» (А. Ахматова).

Для русских поэтов, живших в Финляндии после 1917 года постоянно, Финляндия, напротив, была не сказкой, а реальностью, порой страшной. Русские поэты, для кого Финляндия была действительно Родиной, осознавали ее родной, но нелюбимой страной, а себя нелюбимыми детьми, пасынками.

В поэзии Вадима Гарднера образ Финляндии эволюционирует от образа родной земли к образу чужой «белозвездной вселенной» с «чуждыми душами», а родиной осознается уже недосыгаемая Россия. Вера Булич создает стихи–молитвы за Россию и Финляндию, «за две рядом стоящие планеты». Образ Финляндии не становится в ее поэзии негативным, но в стихах о Хельсинки, о финской природе и финнах постоянно присутствует «взгляд на Восток» («Гельсингфорс на заре», «Бурелом», «Родина»).

Талантливейший поэт русского зарубежья Иван Савин не осознает Финляндию как родину (даже как родину своего деда), для него это одна из дорог, «перекресток» «под чужим небосводом». Лирического героя И. Савина связывает с Россией море,

море – это граница, связь с минувшим, последняя черта. Стихотворение «У последней черты» напоминает блоковское «В дюнах». Но если от блоковского героя убегает финская незнакомка, в стихотворении Савина лирический герой провожает взглядом уплывающую в Россию птицу: «И я крещу рукой безродной / Пропавший след ее крыла».

Продолжая традицию В. Соловьева, В. Брюсова, О. Мандельштама, Иван Савин прибавляет к сайменскому циклу в русской поэзии свое стихотворение «На Сайме» 1925 года и достигает подлинной поэтической высоты в описании финского озера. «На Сайме» — это образ Финляндии Ивана Савина, образ сочетающий в себе радостное и трагическое, светлое («все в огнях кольцо береговое») и темное («черный бархат залива»). И опять корабельная лексика, даже лес сравнивается со «стомачтовым бригом», описание ночной рыбалки, хотя ни лирическому герою стихотворения, ни «глухому рыбаку у руля» не до нее — у каждого свое горе. Но все понимающая Сайма внемлет их горю, посылая как знаки утешения «кудри волн».

Образ Финляндии в русской прозе и публицистике 1910–1930-х годов прослеживается на материале прозы и публицистики И. Савина, Б. Зайцева, И. Шмелева. А. Куприна. М. Горького, дневников К. Чуковского, писем и статей Л. Андреева.

В прозе писателей, оказавшихся в эмиграции, с Финляндией связаны образы материального мира, а в душе остаются «Бог, родина, музыка» (И. Савин. «Лимонадная будка»). Б. Зайцев и И. Шмелев в очерках, посвященных Валааму, с одной стороны, рады, что финны спасли церковные ценности, что Валаам и Финляндию объединила природа (И. Шмелев. «Старый Валаам»), но с другой – каждый из писателей подчеркивает, что монахам ближе небо, чем Финляндия, в монастырь в Финляндии никто не хочет идти, нет богомольцев.

Как и Валаам, Карельский перешеек в начале XX века был местом паломничества русских литераторов. Иметь дачи на Карельском перешейке до революции было престижно. После революции эти дачи для одних стали спасением, для других — гибелью. Еще в 1911 году К. И. Чуковский, владелец одной из дач, назвал Куоккалу именно гибелью.

Трагично судьба распорядилась жизнью Леонида Николаевича Андреева, поселившегося в 1908 году в Ваммельсуу. Андреевское восприятие Финляндии исследователи деликатно замалчивали. Дело в том, что, живя в Финляндии, Андреев не любил ее. Хотя здесь он написал роман «Дневник Сатаны», брошюру «S.O.S.», несколько статей. Природу Финляндии Андреев называет «Божий миром», но все, что связано с «человечьим финским миром», вызывает у писателя чувство, похожее на ненависть.

В 1906 году Леонид Андреев, однако, всячески симпатизировал революционерам, ждал свержения Романовых и даже находился в Хельсинки во время Свеаборгского восстания, после которого он написал Горькому знаменитую фразу, что Финляндия — это иллюзия.

Любопытно, что Андреев сохранил симпатии к финским красногвардейцам, считал их честными людьми, «умирающими за свою мечту»³⁸. Но «чистенькие улицы, архитектурно немецкие домики, самодовольные, плоские и тупые люди» (с. 187) «великодержавной» Финляндии вызвали у Андреева явно негативную реакцию. В предсмертной статье «Держава Рериха», опубликованной в день открытия выставки Н.К. Рериха в Хельсинки, Л. Андреев выразил свое иррациональное отношение к природе Севера. По мнению писателя, надо любить не реальную Норвегию или реальную Финляндию — «мрачный Север художников-реалистов, где конец свету и жизни», а Север, существующий в грезах художников — «здесь начало жизни и света, здесь колыбель мудрости и священных слов о Боге и человеке, об их вечной любви и вечной борьбе» (с. 351).

Наиболее заметный след оставила Финляндия в творчестве А.И. Куприна и М. Горького. В очерке «Немножко Финляндии» (1907) Куприн создает образ «настоящего» финского народа, обращая внимание на отношения финнов к детям, женщинам, к собственным художникам. В рассказе «Масленица в

---

³⁸ Андреев Л. S.O.S Дневник (1914–1919). Письма (1917–1919) Статьи и интервью (1919) Воспоминания современников (1918–1919) Под ред Р Дэвиса и Б Хеллмана М—СПб., 1994 (При ссылках на это издание в тексте указываются страницы).

Финляндии» (1914) писатель восхищен даже финскими тюрьмами. Однако вскоре, в 1919–1920-х годах, когда Куприн становится жителем Хельсинки, его любовь к Финляндии превращается в бывшую. Мысли писателя постоянно занимает Россия. В статье «Белое с голубым» (1919 г.), посвященной творчеству Юхана (Йоханнеса) Рунеберга, рассуждения Куприна о том, что такое родина для Рунеберга, соотнесены с размышлениями о судьбе России.

Пожалуй, самым верным и восторженным певцом Финляндии был Максим Горький. Он часто ездил в Финляндию, переписывался с А. Галлен-Каллела, его произведения переводились на финский язык, а спектакли по его пьесам шли в Национальном театре в Хельсинки. По его инициативе в Петрограде в 1917 году открылась выставка финского искусства, в издательстве «Парус» вышел сборник финляндской литературы, редактором которого он был вместе с В. Брюсовым. Горький — один из немногих русских прозаиков, создавший образ Финляндии в художественном произведении в 1920–1930-х годах. В самом значительном своем романе «Жизнь Клима Самгина» он разрушает книжные стереотипы восприятия финнов как «печальных пасынков природы», создавая образ финского народа, строящего чистые города, хорошие дороги, прекрасные школы, знающего свою страну «точно книгу стихов любимого поэта».

Образ Айно, жены отца Клима Самгина, Горький рисует с явной симпатией как умной, трудолюбивой, уверенной в себе женщины, но не идеализирует ее. Айно — хитра, а уют ее комнат «холоден и жестковат».

Вступительное слово Горького к каталогу выставки финского искусства в Петрограде, в котором писатель подчеркивал, что культура Финляндии расцвела в очень тяжелых природных условиях, можно назвать словом — пророчеством, во многом повлиявшим на формирование положительного образа Финляндии в России.

В IV главе «Русская тема в литературе Финляндии 1910–1930-х годов» рассматривается формирование интереса к России и русской литературе в Финляндии в сложнейшей политической об-

становке, когда граница была на замке, а ненависть к коммунизму распространялась на все русское.

И тем не менее в 1920-е годы появились новые поэты, которым суждено было стать лидерами финской и шведской литературы в Финляндии. Это Катри Вала и Эльмер Диктониус. Появилось новое литературное направление, которое пронесло любовь к русской литературе через трудные годы, не дало погаснуть интересу к России. Это «пламеносцы» ("tulenkantajat"). В направление пламеносцев входили молодые финские писатели, близкие к экспрессионизму. Ууно Кайлас, Эрки Вала, Элина Ваара, П. Мустанпя, Лаури Вильянен, Арви Кивимаа, Илмари Пимия, Юрьё Юльхя, Олави Пааволайнен, Онни Халла и Мика Валтари.

На страницах журнала «Туленкантаят» появлялись переводы статей Ильи Эренбурга о кубизме, репродукции с картин В. Кандинского, статьи о русском футуризме. В 1929 году Олави Пааволайнен включает в свою книгу «В поисках современности» главу «Русская революционная поэзия». Герои Пааволайнена — Александр Блок, Владимир Маяковский, Сергей Есенин. Их он называет Верой (А. Блок), Надеждой (В. Маяковский) и Любовью (С. Есенин) русской революции. Пааволайнен воспринимает революцию как величайшую трагедию нового времени, но в результате этой трагедии родилась, считает критик, потрясающая, уникальная литература. Пааволайнен прослеживает путь Блока, ценит, что поэт не изменил Прекрасной Даме в момент, когда наступил час ее испытаний. «Мистерия произошла. Мечтатель превратился в борца»³⁹.

Критик считает, что большевики сразу после Октябрьской революции взяли под свою опеку футуристов. «Зародилось самое значительное сотрудничество между искусством и политической пропагандой. Владимир Маяковский становится святым большевиков-футуристов»⁴⁰.

Проповедником непримиримого противоречия между революционной Россией и Россией крестьянской Пааволайнен называет Сергея Есенина.

³⁹ Paavolainen O Nykyajan etsimässä. Helsinki 1929. S. 201-201.

⁴⁰ Paavolainen O. Ibid., s. 210-213.

В отличие от Олави Пааволайнена Эльмер Диктониус (1896–1961), признанный лидер шведоязычной поэзии Финляндии, обратился к русской классике. Русская литература нашла отклик в стихах Диктониуса. Достоевский, Гоголь, Толстой становятся героями его стихотворений. В нескольких строках Диктониус создает емкий образ художественного мира писателей. К Достоевскому, особенно им любимому, Диктониус относится как к брату. Стихотворение «Достоевский» (1924) начинается с описания сырого и темного города. Город как зло. С нищими и пропойцами. С нуждой. Достоевский-Брат появляется в городе как спаситель, неся отчаявшемуся человеку надежду.

Лаури Вильянен, также один из пламеносцев, посвятил творчеству Достоевского статью «Достоевский и Ницше» (1937 г.) в книге «Борющийся гуманизм» («Taisteleva humanismi»). В исключительности героев Достоевского и «сверхчеловека» Ницше Л. Вильянен видит много общих черт, даже исключительность князя Мышкина и Алеши Карамазова не кажутся критику высоко нравственными именно потому, что их доброта исключительна, оторвана от людей.

Ницше, по мнению Вильянена, будучи одной из свободнейших личностей на земле, привнес в современность столько рабства, сколько не привносил никакой другой философ. Лаури Вильянен делает вывод, что «мы сейчас как раз живем в его аду, на небесах Ницше, в инферно жажды власти»⁴¹. Людям, на долю которых выпало жить в такое время, столько страдать, необходима утопия. И такой утопией явилось для финнов творчество Достоевского. На фоне Достоевского творчество Толстого предстает перед финским литератором отнюдь не дионисийским, а рациональным, о Толстом, «графе, желающим стать крестьянином, больше не говорили на Западе, сгорела звезда целителя мира и пионера большевизма, тогда как звезда Достоевского, ангела всех страдающих, вознеслась непомерно высоко»⁴².

Возвысив вечное страдание, Достоевский, по мнению критика, приговорил русский народ к жалкому состоянию, освященная

---

⁴¹ *Viljanen L. Taisteleva humanismi. Hämeenlinna, 1950. S. 150.*

⁴² *Viljanen L. Op.cit. S. 151.*

покорность обрекает русский народ жить в царстве зла, в мире призраков, в раю душевнобольных. В этом смысле мировоззрение писателя вызывало у финского критика явный протест. И на примере князя Мышкина Вильянен доказывает, что путь покорности неизбежно приводит в тупик.

Альманах «Туленкантаят» в 1927 году охотно переводил статьи Ильи Эренбурга. Автором вступительного слова к «Романтизму наших дней» («Uusi romantikka») и переводчиком был опять же О. Пааволайнен. Новой истиной, родившейся из хаоса последних лет, по мнению О. Пааволайнена, является удачно сформулированный И. Эренбургом тезис о романтической природе современности, о динамичной эстетике города-гиганта. Идеи этой статьи отозвались в эссе О. Пааволайнена «Петербург — Ленинград», которое ему удалось издать только после войны, в 1946 году.

Бессюжетность, одушевленность техники, света, движущегося мира машин и огней, идеализация советской действительности указывают, что финскому автору явно была близка эстетика города у Эренбурга. Главный герой — «самый европейский город Европы» — рождается в муках. Формируется скелет из «ингерманландских лесов», «народного гнева». Роскошь дореволюционного Петербурга Пааволайнен называет восточной и непонятной финну. Была у дореволюционного Петербурга еще одна ипостась, и о ней Пааволайнен не раз упоминает — финская. Финляндский Петербург был «в пути», трасса от финской границы к городу всегда была оживленной. Переходя к образу Ленинграда, писатель меняет манеру изложения, останавливая свой взгляд на современной архитектуре, модных конструктивистских проектах, на «сотворении нового сердца»⁴³.

В отличие от О. Пааволайнена взгляды ведущей поэтессы пламеносцев Катри Вала были устремлены не на русский футуризм и, в отличие от Лаури Вильянена и Эльмера Диктониуса, не на русскую классику. Катри Вала стала писать о советской действительности, писать эмоционально, пером поэта.

России Вала посвятила свою талантливую публицистику, не менее яркую, чем ее поэзия. Поводом для непосредственного

⁴³ Paavolainen O., Pietari – Leningrad, Helsinki. 1946. S. 23

обращения Катри Вала к советской теме послужил съезд писателей в 1934 году в Москве, когда был создан Союз писателей СССР.

В статье «Деревянный конь Одиссея» («*Odyssseuksen puuhevonen*») Вала с удивлением пишет, что когда советские писатели-материалисты проводят свой съезд, они говорят об идеях, когда встречаются в Хельсинки писатели-идеалисты, единственной темой для разговора являются деньги. Вала полемизирует с газетой «Хельсингин саномат», где Советский Союз сравнивался со Спартой, разница, по мнению газеты, состояла в том, что в Спарте присутствовала мысль о Боге. «По-моему, — возражает Катри Вала в статье «Спартанская черная каша» в 1933 году, — неоспоримая любовь СССР к просвещению, поддержка литературы, театра, науки заменяют с лихвой эту мистическую мысль о боге в Спарте»⁴⁴.

В конце 1934 года Катри Вала была приглашена в посольство СССР в Хельсинки на встречу с Верой Инбер. В статье «Вера Инбер в Финляндии» Вала подробно описывает эту встречу, завидуя советской писательнице, наивно полагая, что Инбер была искренна до конца: «Есть ли у вас какая-нибудь цензура? Заставляют ли Вас писать об определенных вещах?» — спросили у Веры Инбер. «Меня нельзя заставить, — ответила писательница, — я могу писать только о том, что меня интересует».

Даже в 1939 году, когда о сталинских лагерях стали говорить в мире с осуждением, а отношения между СССР и Финляндией подошли к опасной черте, любовь Катри Вала к советскому государству осталась неизменной, полной веры и светлого ощущения. В статье «Пограничная поэзия» («*Rajalinoutta*», 1939) К. Вала противопоставляет СССР и Германию: «... роют траншеи на Перешейке ... против государства, которое за двадцатилетнее существование не завоевало с помощью оружия ... ни одной страны и не грозило завоевать. В то же время все границы открыты для государства, которое ... завладевало одной территорией за другой и продолжает угрожать

---

⁴⁴ *Vala K. Spartalainen mustasoppa // Vala K. Suorasanaista 30-luvulta ja luvusta. Helsinki. 1981. S. 46.*

другим». Вала завершает статью возгласом: «... никогда немцу Финляндии не отдадим!»⁴⁵.

Тем временем в Финляндию из России, в которую так верила поэтесса, совершали свои побеги узники советских лагерей. Причем по мистическому совпадению одного из беглецов, Ивана Солоневича, судьба привела в Иломанси, туда, где за несколько лет до его побега учительствовала Катри Вала.

В пятой главе «Феномен "посредничества" русской эмиграции в Финляндии и финской эмиграции в России» детально изучается литературное наследие писателей, бежавших из советских лагерей в Финляндию, «принесших» туда новую русскую литературу и творчество финнов, перебравшихся в Россию из Финляндии, Америки и Канады. Автором вводится в научный обиход не известный в России материал из государственных и частных архивов Финляндии: переписка, воспоминания, дневники, ценные факты из протоколов допросов и анкет.

Прозу Ю.Бессонова, С.Мальсагова, Т.Чернавиной, И.Солоневича объединяет мастерское описание побега, поиска финской границы, первых встреч с финнами. Но главное, почти в каждом произведении звучит вопрос: «Стоило ли бежать?», описывается восприятие свободы в лесу и свободы на «свободе». Обретая свободу, бывшие узники теряют цель жизни и даже разочаровываются в побеге (Ю. Бессонов «26 тюрем и побег с Соловков»). Особенную растерянность герои произведений ощущают... за чашкой финского кофе. Бессонов называет ее «бесцельной», в повести «Побег из Советской России» Т.Чернавиной кофе – «настоящий», в книге И.Солоневича чашка кофе – «не своя», туда надо класть «не свой сахар». Книга Ю.Бессонова «26 тюрем и побег с Соловков» завершается воспоминанием о встрече на рассвете на Соловках главного героя с молодым христианином. В Финляндии главному герою этот рассвет не виден. Все духовное остается для него в покинутой России: «И вот я здесь... Нет Соловков не видно России... Не видно отсюда и ее зари».

---

⁴⁵ *Vala K. Rajarunoutta. Ibid. S 130.*

Часть книги И. Солоневича «Россия в концлагере» посвящена Финляндии. Вслед за М. Горьким Солоневич создает образ финна, абсолютно уверенного в самом себе, в завтрашнем дне, в неприкосновенности его буржуазной личности и его буржуазного клочка земли. Образ финской женщины в книге Солоневича отвечал традиционному женскому идеалу: это хлопотунья, безупречная хозяйка.

В главе впервые приводятся фрагменты не известных в России очерков Солоневича, написанных им в финском изоляторе, представляющих несомненный интерес. В очерке «Финские эмигранты в Советской России» Солоневич пишет о финнах, «переходивших карело-финскую границу в расчете на братский прием со стороны советских властей» с чувством большой вины, он явно симпатизирует революционно настроенным финнам, отделяя их от всяческой «коминтерновской шпаны». Называя финнов «наивными мечтателями», Солоневич еще не знал, что через несколько лет эти слова он может сказать о самом себе, перебежавшем в Финляндию: «Куда вернуться нам, русским, ныне пребывающим и по эту и по ту сторону исторического рубежа двух миров?» В Иломанси, где несколько лет учительствовала Катри Вала, И. Солоневич, возможно, написал те страницы своей книги, с содержанием которых будет полемизировать финская поэтесса. Предметом полемики двух литераторов станет, увы, не форма художественного произведения, а отношение к оружию. «Что может родиться от высиживания на штыках, кроме гадюк!» — восклицает Катри Вала в статье «Кантеле или финский нож?» («Kantele tai ruukko?») А И. Солоневичу в первые сутки после перехода границы финские штыки кажутся «дружественными», это «не оружие насилия, а оружие от насилия».

В Хельсинки Иван Солоневич столкнулся с проблемами, которые быстро изменили его восторженное отношение к «материалистическому Западу» и заставили покинуть Финляндию через полтора года.

Вклад финских эмигрантов, «наивных мечтателей», как называл их Солоневич, в русскую литературу 1920-1930-х годов был весь-

ма ценным. И хотя исследователи справедливо считают, что для финских писателей-эмигрантов было характерно стремление интегрироваться в советскую литературу⁴⁶, быть подлинными интернационалистами, на наш взгляд исключительно важным в поэзии финнов было отстаивание своей «финскости», лучших черт финского менталитета, что проявилось, прежде всего, в фанатичном воспевании труда.

Ленинград и Карелия поистине стали Новым Светом для тысяч финнов, приехавших сюда из Финляндии, Соединенных Штатов Америки, Канады. С одной стороны, они перенесли свою культуру, в которой были воспитаны. С другой стороны, условия, в которых пришлось жить финнам в Советской России, идеалы, человеческие взаимоотношения были совершенно иными, чем в покинутых ими странах. И финноязычная поэзия, естественно, стала выражать во многом иные ценности.

Первую поэтическую плеяду финской эмиграции 1920-х годов представляли Ялмари Виртанен, Лаури Летонмяки, Сантери Мякеля, Рагнар Руско, Герман Лауканен, Вальде Викман, Оскар Йоганссон. Первый поэтический сборник «Kumouksen kuohuista» («Из бурных волн революции»), объединил стихи трех поэтов – С. Мякеля, Г. Лауканена и В. Викмана.

Поэзия Сантери Мякеля (1870–1937) была изначально социальной с демократичной и индустриальной лексикой, противопоставлением пролетариев и господ.

В стихотворении «Taistelua ja kuolemaa» («Борьба и смерть», 1919), посвященном финским красногвардейцам, поэт с проклятьем и благословением одновременно вспоминает покинутую Финляндию, родную землю. Что же остается, когда потеряна родина? Что является неизменной ценностью? На эти сложные вопросы поэт дает простой, и, пожалуй, единственно верный ответ: труд, который не обманет и не предаст. Русские писатели, потерявшие родину, отвечали на этот вопрос иначе: «Бог и Она» (Ю.Бессонов), «Бог и музыка»(И.Савин)

---

⁴⁶ Алто Э.Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии в 3 т. Т. 2. СПб., 1997. С. 42–48.

Герман Лаукканен (1892-1943) в отличие от Мякеля был более восприимчив к карельской природе. Поэта справедливо можно упрекнуть в некотором «потребительском» отношении к природе. Но это позиция именно человека труда. Он размышляет, какую выгоду принесут народу Карелии сосновые «бревнышки», ранее никому не нужные, как эти бревнышки будут обмениваться на машины, и как будет расти благосостояние народа.

Микаэль Рутанен (1883-1932) прожил в Карелии всего около двух лет, но именно ему довелось стать певцом этого края. И даже его трагическая смерть на лесоповале от удара падающего дерева, была окрашена в некие символические карельские тона. Рутанен приехал в Карелию в 1931 году из Соединенных Штатов Америки, где жил с 1908 года, меняя в поисках работы Детройт на Нетанн, Миннесоту на Пенсильванию, и где он успел прославиться как рабочий поэт. Микаэль Рутанен явно вышел из романтиков, романтическое, а точнее неоромантические мироощущение характерно для его ранних стихотворений. Образы света, звезд, идея красоты — вот реалии поэтического мира молодого Рутанена. Стихотворение Рутанена «Глашатаю счастья» («Onnen aigueelle», 1908) — это такой же, в традиции неоромантиков, поиск нового героя, кто мог бы предсказать великий день, кто мог бы восстановить истинное время.

В России лира Рутанена зазвучала по-новому. От внутреннего мира личности поэт обращается к миру внешнему и воспекает его. Главными героями стихов Рутанена становятся топоры, гвозди, машины, пилы, порой создается впечатление, что все это приходит в действие само по себе, без участия человека.

Если в сборнике Рутанена, вышедшем в 1933 году появляется человек, то это человек работающий, что-то строящий, пилящий, рубящий, и точнее не один человек, а массы. И женщина в поэзии Рутанена представлена как труженица, работница. Причем работает она наравне с мужчинами.

Работа ведется во имя счастья бедняков, блага рабочего люда, рабочей республики, во имя созидания социализма и победы мирового пролетариата. Однако работа, по мнению поэта,

сама по себе счастье. «Благо рабочего люда»... было идеалом прекрасным, но все же условным, утопией. А труд был реален, воплощал в себе все идеалы. Труд стал верой, счастьем, смыслом жизни и, соответственно жизнью. И, пожалуй, ключевой в поэзии Рутанена, созданной в Карелии является строка: «Врубайся, топор! Грызи, пила, дерево! Лесные ударники ни о чем другом не мечтают» («Лесные ударники», «Metsieniskurit»).

Чтобы воспеть такой труд, поэт призывает появиться знаменитого Элиаса Лённрота, составителя «Калевалы», «ожить» в Советской стране. Поэт обещает Лённроту, что здесь он услышит песни труда, которые и Финляндии могли бы принести вечное счастье. Эпические руны, по словам поэта, меркнут по сравнению с этими песнями, создающимися не воображением.

В стихах Людвиг Косонена (1900-1933) много пессимизма и даже отчаяния. Некоторые его стихи не совсем вписываются в поэзию 20–30-х годов с ее пафосом и агитационностью: «Так много загадок, сомнений и боли душевной...» («У вехи»)

Идеалы финских поэтов-эмигрантов носили черты утопии, но их жажда созидания были искренней. Своим воспеванием труда приехавшие в Россию финны развивали традиционную для литературы Финляндии тему созидания. Труд был излюбленным предметом финского искусства и литературы, начиная с эпических рун о Вяйнямейнене. Известные стихи Эйно Лейно «Землю пустынную дал нам Господь, / Мы превратили ее в виноградники» подкрепились художественными образами ударников и ударниц в финской поэзии России. Помимо всякой идеологии писать о труде было для финнов естественно. Эта тема была любима. Поэтизацией труда и необычным отношением к нему финские поэты-эмигранты вызвали уважение к себе местного населения новой родины и вписали достаточно яркую страницу в русскую литературу 1920-1930-х годов.

Через поэзию финских эмигрантов русские читатели познакомились с финским менталитетом, финским национальным характером в эпоху катаклизмов, когда граница между Финляндией и Россией была на замке, когда финским эмигрантам вместе с другими народами России пришлось пройти через испытания 1930-х годов.

В «**Заключении**» подводятся итоги исследования, подчеркивается, что русская литература была источником вдохновения, как для финских реалистов, так и для писателей, работавших в русле неоромантических идей и эстетики экспрессионизма. Многие роднило финских неоромантиков и русских символистов: неудовлетворенность временем, поиск идеала героической личности, стремление к синтезу, одинаковый подход к проблеме познания, понимание красоты как высшей сущности мира.

В Финляндии в начале XX века обнаруживается несколько подходов к русской литературе. Но финны принимали в русской литературе не все. Признавая русских писателей мастерами психологического портрета, социального пафоса, новаторами языка и формы, финны были явно не согласны с эстетизацией человеческой покорности и смирения в художественном произведении. Хорошо известной была русская проза, в то время как поэзия, считавшаяся «слишком русской», переводилась значительно меньше. В России же именно в поэзии Финляндия оставила заметный след.

Россия, осознавшая себя северной державой, чувствовала в соседней северной стране (сначала в своих государственных границах, а затем и вне их) много близкого, знакомого. С Финляндией обычно связывались образы зимы — снега, холода, льда. Но эти же образы были характерны и для России. Схожее географическое пространство предполагало схожесть характеров, ремесел, видов деятельности.

Почти каждый, кто писал о Финляндии словом и кистью, создавали морской или озерный пейзаж. Как «не наше» воспринимались русскими в Финляндии камни, скалы, обнаженные гранитные площади. Каменная Финляндия одних восхищала, других удручала и наводила на мысль о демонизме Севера, о границах бытия. Как «не наши» воспринимались в Финляндии изумительная чистота, трудолюбие, необыкновенный порядок. Если трудолюбие вызывало восхищение, то порядок некоторым героям русской литературы порой хотелось нарушить, финский уют казался им «холоден и жестковат». С легкой руки А.С. Пушкина в русском сознании утвердился стереотип: финн-рыбак, «печальный пасынок природы». Но

на смену этому стереотипу быстро пришел другой — финн-хозяин, победитель природы.

В целом образ Финляндии в России был одним из излюбленных. Политика, военная конфронтация, конечно, влияли на его формирование, но не могли уничтожить сложившегося образа Финляндии как «не нашей», но надежной и цивилизованной соседней страны.

В 1920–1930-е годы в сложнейший период истории интерес к русской литературе в Финляндии поддерживался писателями, принадлежавшими к направлению «пламеносцев». Их в равной степени интересовала классическая и современная литература России. Русские классики и советские писатели становились героями их статей и стихотворений. По мнению идеолога «пламеносцев» Л. Вильянена, в 1920–1930-е годы финнам была необходима утопия, чтобы жизнь не противоречила здравому смыслу. Для одних такой утопией явилось наследие Ф. Достоевского, для других урбанистическая эстетика русского футуризма, для третьих советский строй. В творчество ведущей поэтессы Финляндии этого времени Катри Вала русская тема вошла через публицистику. Вала, писала о России, мало что о ней зная, но поэтесса абсолютно верно передала жажду идеала молодого поколения Финляндии.

В эпоху закрытых границ роль посредников в русско-финских литературных связях играла эмиграция. Поэзию той же Катри Вала впервые перевела на русский язык Вера Булич, а Иван Солоневич своими статьями, написанными в Финляндии, вступил с финской поэтессой в своеобразную полемику.

Финские писатели-эмигранты в СССР, погибшие в годы репрессий, все же успели выпустить свои книги, создав уникальную финноязычную поэзию России. Через творчество финских эмигрантов русские могли знакомиться с традицией финской культуры, финским менталитетом, ярко проявившимся в тематике их стихотворений.

Сергей Дягилев, задумываясь о будущем развитии искусства России и Финляндии, выбрал путь «мимо Запада». Николай Рерих также задавался вопросом: «Куда обратимся?» И почти вторил

С. Дягилеву: «Или искусство наше найдет новый светлый путь <...>, крепкий чарами финскими, высокий взлетами мысли так называемого "славянства"?»⁴⁷

На наш взгляд, истина все-таки посередине, точнее, истина на границах, там, где происходит диалог культур. Как мы увидели, в любую политическую эпоху духовные связи остаются наиболее ценными и устойчивыми, диалог культур не умирает.

Наш опыт сопоставительного изучения ряда явлений финской и русской литературы подтверждает, что изучение взаимодействия историко-типологической связи явлений национальных культур правомерно. Постановка такого рода проблем заставляет еще раз задуматься над тем, что художественные явления в истории мировой культуры национально не изолированы, а общечеловечны по своему содержанию. Сопоставительный анализ помогает лучше понять каждое явление, поскольку в ходе исследования выясняется общее и специфическое в любом случае.

---

⁴⁷ Рерих Н. Радость искусству // Собр. соч. Кн 1 М., 1914 С 116

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

- 1) Русско-финские литературные связи начала XX века. [Монография]– Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 1998. 136с.– 8 а. л.,
- 2) Северный лик Николая Рериха. [Монография] – Самара: Изд. дом «Агни» 2001. 250с.– 18,8 а.л.,
- 3) Kultainen kuhettuskausi. – Helsinki: Gummerus, Ajatuskirja, 2005. [«Золотой медовый век. Образ Финляндии в русском искусстве». Монография (Хельсинки: Изд-во «Гуммерус», серия «Научные книги», 2005. На фин. яз.)] 130с.. – 6 а.л.,
- 4) Образ Финляндии в русском искусстве и литературе конца XIX – первой трети XX в. // Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: Сб. статей. – Великий Новгород, Изд-во Нов.Гу имени Ярослава Мудрого. (Серия «Научные доклады». Вып. 1. 2004. С.192-239.– 2,0 а.л.,
- 5) Катри Вала и важнейшие тенденции финской лирики 1920–1930-х годов // «Известия АН СССР» (серия литературы и языка), 1985, том 44, № 6. С.481-494. – 1,0 а. л.,
- 6) Russian-Finnish literary relations of the 1920s–1930s. // Finno-Ugrians and Indo-Europeans: Linguistic and Literary Contacts: Studia Fenno-Ugrica Groningana 2.– Maastricht. (Netherlands). 2002. P.360-364. – 0,8 а. л.
- 7) Сказка Н. Рериха «Гримп-викинг» и ее скандинавские источники // Скандинавика / Сборник трудов Ленинградского госуниверситета, 1986. Вып. IV. - 0,4 а.л.,
- 8) Профессор Гельсингфорского университета И.Е.Мандельштам и его роль в развитии русско-финских литературных связей рубежа XIX–XX веков // Проблемы литературы Карелии и Финляндии Сб. статей. Петрозаводск, КФ АН СССР, 1988. С.83-95. – 1,0 а.л.
- 9) Runoperinteet Katri Valan (1901–1944) tuotannossa (Поэтические традиции в творчестве Катри Вала) // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. В 2-х т. – М.:Наука. 1990. Т. 2.-0,5 а.л.,
- 10) Русская поэзия начала XX века и Финляндия. Препринт доклада на заседании Ученого совета Института ЯЛИ. Петрозаводск, Карельский научный центр АН СССР, 1991. 24с.- 1,2 а.л.,
- 11) Заметки о финноязычной поэзии Карелии 1920–1930-х гг. // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Сб. статей. Петрозаводск, КарНЦ РАН, 1995. С.3-26.- 1,0 а.л.
- 12) Роль «Финляндии» (сборника и одноименного журнала) в истории русско-финских литературных связей начала XX века // Проблемы

- литературы Карелии и Финляндии. Сб. статей. Петрозаводск, КарНЦ РАН, 1995. С.130-137.- 0,5а.л.
- 13)[Вступ. статья, послесловие, публикация и комментарии] // Bessonov J. 26 vankilaa eli pako Solovetskista /Carelia.1994, №11-12,1995, №1-3 . Loppulause //Carelia. 1995, №3. S.101-107.- 0,8 а.л.
  - 14)Эйно Лейно и Николай Рерих. Вопросы типологических взаимосвязей // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Сб. статей. Петрозаводск, КарНЦ РАН, 1996.с.74-95.-1,0 а.л
  - 15)Venälainen proosa Suomessa 1900-luvun alussa // Congressus Octavus internationalis. Fenno-Ugristarum. Pars VII. Literatura, archaeologia, antropologia. Jyväskylä. 1996. – 0,5а.л.,
  - 16)Ландшафт как культура, культура как ландшафт. Образы финской природы в русской поэзии 1910-х годов // Этнос. Ландшафт. Культура. – СПб.: Изд. «Европейский Дом». 1999.С.135-137 – 0,4 а.л.
  - 17)Иван Солоневич и Финляндия // Гуманитарные исследования в Карелии. – Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2000.С.138-143. – 0,5 а.л.,
  - 18)«Нет Соловков, не видно России...» // Север.2000.№7.С.142-155.– 1,5а.л.
  - 19)Северная страница в творческой биографии Н.К. Рериха // Россия – Индия: перспективы регионального сотрудничества. – Москва: Институт востоковедения РАН .2001.С.54-63. – 0,8 а.л.,
  - 20)Русские сны и финская явь в творчестве Катри Вала // Север.2001.№1.с.87-94. – 1,0а.л.
  - 21)Русский символизм, не известный в Финляндии, финский неоромантизм, не известный в России. / Север. 2001. № 1.С.62-69. – 1,0 а.л.,
  - 22)Образ Финляндии в русской литературе 1920-1930-х годов.// Проблемы национальной идентификации, культурные и политические связи России со странами Балтийского региона в XVIII-XX веках. Самара. 2001. С.220-225.- 0,5 а.л.
  - 23)The image of Finland and Finnish Culture in the Russian Art of the end of the 19th and the first third of the 20th centuries // Narva and the Baltic Sea Region /Papers of the II international conference on political and cultural relations between Russia and the Baltic Region States. – Narva. 2004. – 0,7.

Изд. лиц. № 00041 от 30.08.99. Подписано в печать 09.08.05.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура «Times». Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 2,1. Усл. печ. л. 2,8. Тираж 100 экз. Изд. № 51. Заказ № 511

Карельский научный центр РАН
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50
Редакционно-издательский отдел

№ 18667

РНБ Русский фонд

2006-4
16894